

О. В. Лозовская¹, В. М. Лозовский²

ПЕРИОДЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ НА СТОЯНКЕ ЗАМОСТЬЕ 2³

O. V. Lozovskaya, V. M. Lozovskiy. Periods of Mesolithic and Neolithic settlements functioning and questions of cultural layers formation on Zamostye 2 site.

Investigations of waterlogged cultural layers from lake and peat-bog settlements faced with the problem of interpreting the paleogeographic situation and the conditions of formation of deposits with the remains of material culture, which include fragile organic materials. On the basis of complex data — both archaeological and paleoecological — the problem of reconstruction of the local paleolandscape and specific features of the economy of ancient hunter-fishers analyzed on the sample of famous late Mesolithic — early and middle Neolithic site Zamostje 2 in Volga-Oka region.

Модель хозяйственного уклада в эпоху мезолита и раннего неолита полностью диктовалась окружающими природными условиями. В отличие от территорий юга Русской равнины и Западной Европы проникновение и широкое распространение

керамических традиций в середине голоцена не привело к кардинальной перестройке экономики и распространению элементов производящего хозяйства среди мезолитических аборигенов лесной полосы Восточной Европы.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ РЕКОНСТРУКЦИИ УСЛОВИЙ СУЩЕСТВОВАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ НА СТОЯНКЕ ЗАМОСТЬЕ 2

Согласно палеоэкологическим реконструкциям (Lozovski, 1996; Алешинская и др., 2001; Лозовская и др., 2013; Lozovski et al, 2014), поселение на сто-

янке Замостье 2 являлось прибрежным и существовало в условиях циклических изменений уровня воды и величины обширного озерного водоема. Деятельность древнего человека была связана с освоением низкого пологого берега. На фоне заметного потепления климата на рубеже VII–VI тыс. cal BC наблюдается проникновение в Волго-Окское междуречье новых элементов материальной культуры и прежде всего традиций керамического производства. В этом контексте материалы стоянки Замостье 2 представляют особый интерес, поскольку стратиграфическое положение культурных слоев эпохи позднего — финального мезолита и ран-

¹ Сергиево-Посадский музей-заповедник, г. Сергиев-Посад, Россия.

² Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург, Россия.

³ Исследование проводилось при поддержке Министерства науки и инноваций Испании, проект (I+D) HAR2008-04461/HIST и Российского фонда фундаментальных исследований, проекты №11-06-00090а, №11-06-100030к, №12-06-00013к, № 13-06-10007к, 13-06-12057 офи_м.

него неолита позволяет детально зафиксировать момент появления раннеолитической керамики на памятнике и проследить, какие изменения происходили в материальной культуре и в окружающей природной обстановке. Всего на данный момент по разрезам на разных участках памятника выполнено 6 спорово-пыльцевых диаграмм (Алешинская и др., 2001; Ершова? 2013; Lozovski et al, 2014) (рис. 1).

При интерпретации спорово-пыльцевых диаграмм стоянки Замостье 2 необходимо учитывать своеобразие объекта исследований. Раскопы расположены в обширной озерной котловине в пойме р. Дубны, представляющей собой заросшее древнее озеро (Lozovski et al, 2014), вдоль современного ее течения на левом берегу реки. Согласно данным ботанического, карпологического и диатомового анализов, большая часть исследованных отложений — это водные отложения (сапропели). По разрезам на памятнике, сделанным в результате раскопок в 2011–2013 гг. (Лозовский, Лозовская, 2014б, рис. 2, 3), Е.Г. Ершовой отмечается залегание озерных глинистых сапропелей ниже глубины –360 см от современной поверхности, на глубинах –360–250 см — отложения мелкого, слабопроточного, прогреваемого водоема, т.е. торфянистые

сапропели (неперегнившие остатки водных и болотных растений, зеленые и диатомовые водоросли, характерные для проточных водоемов с нейтральной реакцией). Выше –245 см сапропели перекрыты слоями темных сильно разложившихся низинных торфов, состоящих из остатков болотных растений и диатомовых водорослей, типичных для непроточных водоемов и болот с атмосферным питанием (Ершова, 2013). Эти данные, по ее мнению, свидетельствуют в пользу того что «отложения формировались на окраине обширного неглубокого водоема, окруженного полосой водно-болотной растительности и постепенно зарастающего» (Ершова, 2013). Культурные слои нижнего, верхнего и в особенности финального мезолита, кроме того, содержат большое количество остатков древесины, которые также хорошо сохранились из-за отсутствия кислорода. По мнению к.б.н. Л.И. Абрамовой (биологический факультет МГУ), они имеют искусственное происхождение. Признаки периодического пересыхания и анаэробного (кислородного) разложения наблюдаются только в слоях, лежащих выше –360 см и относящихся к концу атлантического периода и началу суббореала (Лозовский, Лозовская, 2014б).

СТРАТИГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ЗАЛЕГАНИЯ МЕЗОЛИТИЧЕСКИХ И НЕОЛИТИЧЕСКИХ СЛОЕВ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

Анализ архивных данных и в первую очередь сведение стратиграфии разрезов западной стенки раскопов 1989–1991, 1995–2000 гг. общей протяженностью 32 м, а также исследованные в 2013 г. разрезы шурфа А-АА/17–19 и раскопа с вершами показал существенную разницу в осадконакоплении южной, центральной и северной частей стоянки (рис. 1). Наиболее регулярным и равномерным характером отложений отличается центральный участок (западная стенка раскопа 1995–2000 гг.); здесь наблюдается практически горизонтальное залегание как культурных слоев, так и условно стерильных горизонтов между ними. С наибольшей полнотой здесь представлены все известные на стоянке слои: нижний и верхний позднемезолитические, слои финального мезолита, раннего и среднего неолита (Лозовский, Лозовская, 2014б, рис. 1). На основе распределения артефактов, их

численности, состава и положения в культурном слое можно с уверенностью говорить о существовании на этом месте жилой площадки (дневной поверхности) для периодов раннего неолита (слой 4а) (рис. 2) и позднего мезолита (слой 7, верхний мезолитический слой) (рис. 3). Нижний слой позднего мезолита (слой 10) не обладает выраженными чертами дневной поверхности поселения и в контексте характера находок и вмещающих их отложений может рассматриваться как переработанный на месте в результате прибрежной волновой деятельности. В восточной части раскопа 1995–2000 гг. наблюдалось понижение рельефа и скопление хаотично расположенных веток (рис. 4).

В южной части разреза характер поведения литологических и культурных слоев резко изменяется, отмечаются прогибы и разрывы слоев и их разнонаправленная деформация. Эти явления могут

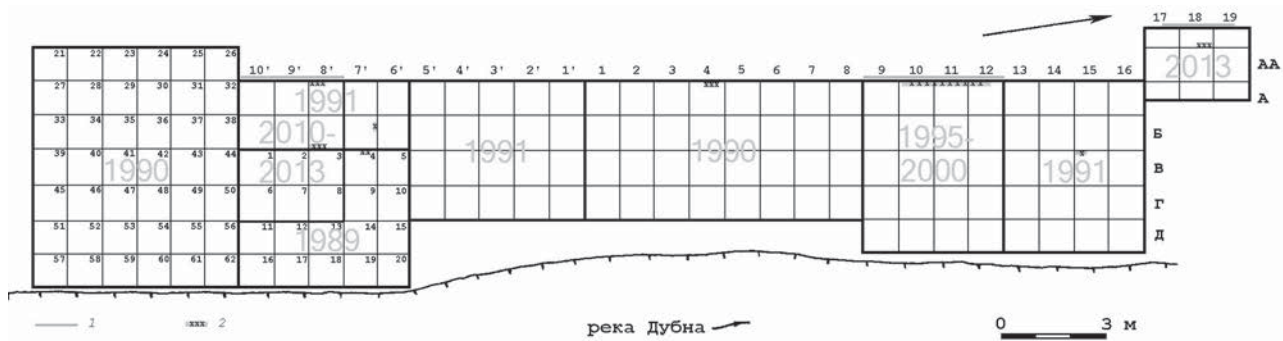

Рис. 1. План раскопов стоянки Замостье 2.
1 — опорные разрезы; 2 — места отбора образцов для палинологического анализа

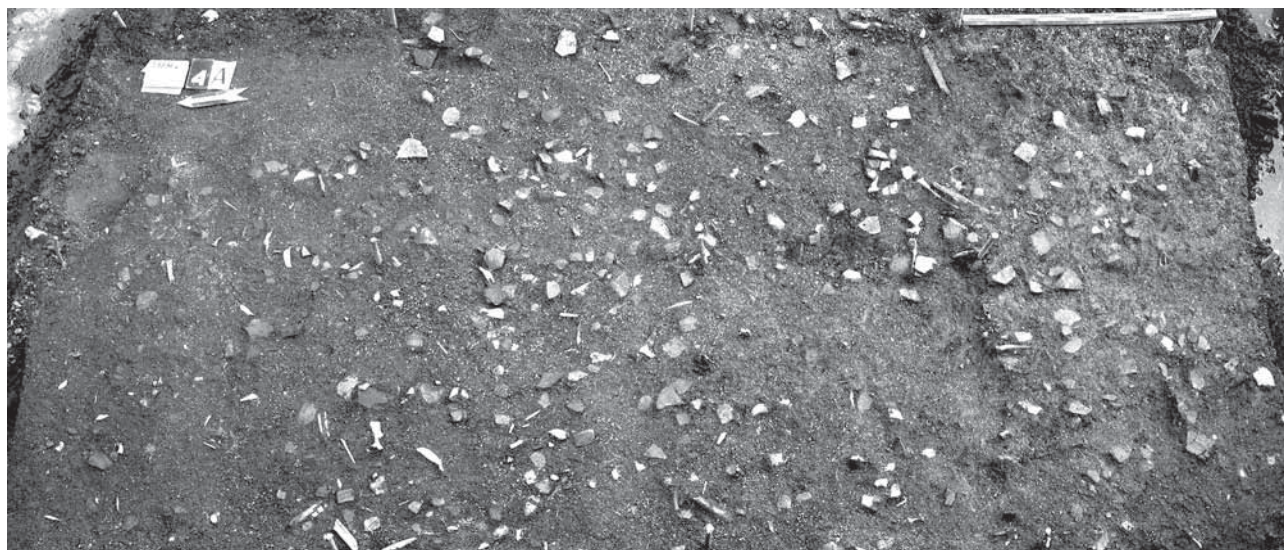

Рис. 2. Стоянка Замостье 2. Поверхность раннеэолитического слоя верхневолжской культуры (слой 4а), раскопки 1995 г.

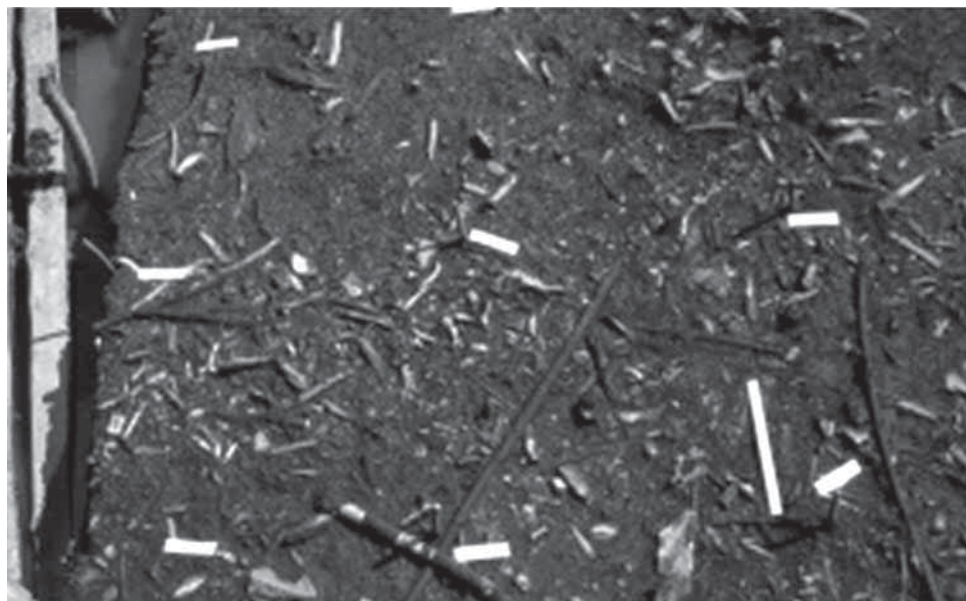

Рис. 3. Стоянка Замостье 2. Участок поверхности жилой площадки верхнего мезолитического слоя, раскопки 1996 г.

Рис. 4. Стоянка Замостье 2. Нижний мезолитический слой: а — поверхность слоя (1998 г.), б — основание слоя (2000 г.)

быть интерпретированы как свидетельства воздействия достаточно активной водной среды — озера или протоки. Именно здесь были обнаружены верши ранненеолитической эпохи, лежащие непосредственно на уцелевших фрагментах чрезвычайно насыщенного находками верхнего мезолитического слоя; разделяющий их слой финального мезолита отсутствует (рис. 5). С северного конца исследованной раскопками площади (шурф) (Лозовский, Лозовская, 2014б, рис. 2) также наблюдаются изменения по сравнению с центральной частью в простирации и составе культурных отложений. Слои верхний мезолитический и ранне-неолитический превосходят в мощности, но значительно уступают в насыщенности, находки равномерно распределены в толще, горизонт жилой площадки для обоих слоев отсутствует. Такие особенности в целом согласуются с данными споро-пыльцевого анализа.

При сопоставлении высотных отметок трех рассматриваемых разрезов, которые впервые удалось свести напрямую, на основе новой, действующей с 2010 г. трехмерной системы координат с использованием четырех реперов, были зафиксированы незначительные колебания высоты поверхности культурных слоев на разных участках, что представляется важным для реконструкции палеорельефа древнего поселения. Расстояние между разрезами 18 и 8 м. Следует подчеркнуть, что речь идет об изменении рельефа поверхности берега вдоль основного палеоводоёма. Так, поверхность слоя эпохи раннего неолита в разрезе 1995–2000 г. (слой 4) фиксируется на глубине –347, а предполагаемая жилая площадка верхневолжской культуры (слой 4а) находилась на уровне –352. В то же время самая высокая отметка для лучин вершей, относящихся к раннему неолиту (около 5500–5400 cal BC) составляет –379, а самая нижняя,

Рис. 5. Стоянка Замостье 2. Участок поверхности верхнего мезолитического слоя у вершины верши 2011 г.

приуроченная к «дну протоки» — -416. На северном разрезе неровная поверхность переработанного слоя неолитического времени колеблется на отметках -338...-350, что указывает на иные условия осадконакопления в этой части стоянки.

Верхний слой мезолита, вопреки ожиданиям, имеет уклон на север — глубины соответственно

составляют -342, -367 и -379...-383. Для нижнего мезолитического слоя падение на север выглядит отчетливо: -407...-411, -414 и -428 (Лозовский, Лозовская, 2014б, рис. 3). Несмотря на очевидную условность, эти данные хорошо коррелируют с археологическими свидетельствами, в первую очередь насыщенностью находками культурных слоев.

ХРОНОЛОГИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПЕРИОДОВ МЕЗОЛИТА И НЕОЛИТА НА СТОЯНКЕ ЗАМОСТЬЕ 2

Простираение культурных слоев поселений в восточном направлении (к реке) зафиксировано по высотным отметкам в процессе раскопок участка с вершами и подводных разведок. В частности, удалось сделать некоторые выводы об особенностях микрорельефа водоема и его береговой линии. Так, в период существования поселения позднего мезолита (верхний слой) 7300–7100 BP (6150–5900 cal BP) площадь водоема/протоки была значительно меньше, чем в эпоху раннего неолита. На это указывает высокая плотность находок в культурном слое в раскопе с вершами, этот участок представлял собой берег с заметным уклоном к реке, зафиксировано падение слоя на 50 и более сантиметров на протяжении 1–2 м (от -345 до -400 на квадратах А9'–А8'), слой местами прерывается из-за более поздних промоин, соотносимых с подъемом воды в раннем неолите. В шурфе ФV 2012 г. на противоположном берегу р. Дубны средний слой без керамики, который может быть сопоставлен с верхним мезолитическим слоем, прослеживается на глубине -480...-485. Он представляет собой маломощный горизонт серого сапропеля с ракушками и единичными находками и залегает горизонтально, что позволяет его рассматривать как дно палеоводоема. Рыболовные конструкции из расщепленных лучин в современном русле реки (кв. КЛXIII–XVIII), которые датируются тем же временем, расположены в 5–7 м на ЮЮВ и маркируют экономическую зону водоема. Их верхние лучины зафиксированы на отметке -505...-515 см, что может объясняться углублением водоема в южном направлении.

Резкое повышение уровня воды в раннем неолите фиксируется по археологическим данным как

по сильным разрушениям мощного верхнего мезолитического слоя в раскопе I, так и по расположению рыболовных вершей непосредственно над ним (прослойка местами составляет менее 1 см). Наличие в непосредственной близости от вершей многочисленных костей мелких рыб (преобладают окунь и ерш, реже встречаются щука и карповые), расположенных анатомическими группами, и узелков от сетей, а также наклонное положение самих деревянных ловушек, позволяют предполагать, что они были оставлены в воде, возможно, недалеко от берега. Учитывая выявленную асинхронность раннеолитического керамического комплекса в рамках верхневолжской культуры, пока нет оснований утверждать о единовременном существовании вершей и жилой площадки в центральной части поселения, тем более что по общему разрезу стоянки виден значительный перерыв в накоплении слоя с остатками материальной культуры раннего неолита.

В среднем неолите водоем активно использовался, о чем свидетельствуют две группы кольев, открытые в восточной и центральной части современного русла реки Дубны. Упорядоченность в расположении кольев (в форме прямого угла и выстроенные в линию) заставляет предполагать, что они являлись частью долговременных построек правильных очертаний, но пока неизвестного назначения. В раскопанной части стоянки слой льяловской культуры среднего неолита претерпел значительные нарушения в более позднее время, в период продолжительной трансгрессивной фазы водоема, его первоначальная поверхность не сохранилась. В настоящее время локализовать жилую площадку этого периода на стоянке Замостье 2

затруднительно. По торфу, отобранному среди развала горшка, слой датируется 5700 ± 110 BP

(ГИН-6154), что хорошо коррелирует с возрастом остатков деревянных сооружений.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАЛЕОРЕЛЬЕФА В РАЙОНЕ СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

В настоящее время древний рельеф стоянки не читается, поскольку в более позднее время он был сnivelирован аллювиальными процессами и торфообразованием. Известно, что до мелиорации конца 1920-х годов эта территория представляла собой сильно заболоченную местность, по которой петляли многочисленные протоки и речки, а состав растительности всей древней озерной котловины, который представлял собой сочетание растительных группировок, являющихся разными стадиями процесса зарастания и заболачивания палеозера, во многом совпадал с тем, который реконструируется по материалам стоянки для атлантического периода (Флеров, 1902; Ершова, 2013).

Комплексный анализ рельефа и данных геологических разрезов позволяет предположить, что данная территория представляла собой лагунную зону крупного водоема, открывавшегося в северном направлении. Берега палеоводоема находились на месте современных возвышенностей. В районе стоянки виден мыс, вдающийся в водоем (Lozovski et al, 2014, fig. 5). Наличие мыса привело к формированию лагунных условий (залива) и отмелей

(отметки 128–127м), благоприятных для жизнедеятельности. Основное направление течения совпадало с нынешним направлением течения воды в р. Дубне.

Принимая во внимание выводы, сделанные на основании данных проведенного споро-пыльцевого анализа о составе растительности и очень медленном его изменении, а также палеогеографических реконструкций и археологических свидетельств, можно предположить, что деятельность на озерных поселениях древних охотников-рыболовов на стоянке Замостье 2 разворачивалась на краю мыса между озерными расширениями. При этом жилая площадка (для верхнего слоя мезолита и слоя раннего неолита) находилась в непосредственной близости (в 5–10 м) от мелководного участка водоема как с южной стороны, так и с северной. Колебания уровня палеозера в первой половине атлантического периода, которые не фиксируются по составу водной и водно-болотной растительности, получают подтверждение в собственно археологических наблюдениях за поведением и составом культурного слоя.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ЭПОХИ МЕЗОЛИТА-НЕОЛИТА СТОЯНКИ ЗАМОСТЬЕ 2

Таким образом, на основании корреляции данных по геологии, палинологического и других анализов с результатами полевых археологических исследований можно связать разные этапы жизни на поселении с определенными палеогеографическими событиями и прежде всего с изменением размеров палеоводоемов. Нижний культурный слой стоянки, который датируется около 7900–7800 BP (около 7000–6600 cal BC), отражает существование поблизости поселения охотников-рыболовов. Территория исследованной части стоянки Замостье 2 представляла в это время прибрежную мелководную часть озера, в котором осуществлялась хозяйственная деятельность. В этом слое найдено большинство известных на данный момент весел

(8 фрагментов), рыболовные крючки (7), в том числе массивные, гарпуны (зубчатые острия) (11) и два поплавка, что указывает на активную рыбную ловлю. В то же время никаких деревянных заградных конструкций или ловушек не выявлено. Слой содержит также достаточно большое количество кухонных отбросов, в том числе кости и чешую рыб. Рыбный рацион наиболее разнообразен (11 видов), представлены отдельные крупные особи сома и судака, размеры шук больше, чем в вышележащих слоях (Radu and Desse-Berset, 2012; Раду, Десс-Берсет, 2013). Все виды одинаково приспособлены для обитания в проточной воде или озере, но предпочитают неглубокие, хорошо прогреваемые водоемы, богатые растительностью. Среди древесных

ресурсов для изготовления деревянного инвентаря чаще всего использовались сосна, береза и вяз, реже — ива, осина, ясень, черемуха (Лозовская, Лозовский, 2014а). Происхождение и сосны, и широколиственных пород (граб, ильм, клен, ясень, черемуха) — из водораздельных лесов, береза доминирует в спектрах 40–55 % указанного периода), очевидно, локального происхождения и отражает наличие заболоченных березняков по краям озерной котловины. Это подтверждается также объектами охоты на птиц — подавляющее большинство видов относится к водоплавающим или водноболотным, всего 43 вида. Обилие различных видов уток, поганок, выпи и цапли говорит о том, что заросшие берега озера были важными экотопами для охоты на птицу (Маннермаа, 2013). Не менее важную роль играла и охота на лося, бобра и пушных хищников. Также в слое представлены, хотя и в небольшом количестве, все типы каменного (включая шлифованные топоры), костяного и рогового (рога лося) инвентаря, характерные для поселения. Их единственное отличие от инвентаря вышележащих слоев — средние и крупные размеры изделий и обломков, что может быть объяснено иными условиями залегания. Находки зооморфных фигурок из дерева и кости/рога, а также каменных чуринг (галек) с орнаментом указывают на то, что это было базовое поселение, а не временный охотничий лагерь или место рыболовного промысла. Можно предположить, что фактором, повлиявшим на заселение территории мезолитическими племенами охотников и рыболовов, послужило обмеление и зарастание краев обширной озерной котловины, вызванное потеплением климата в начале атлантикума. Постепенный подъем воды в результате последующего трансгрессивного этапа прервал жизнь на этом участке стоянки на несколько сотен лет.

Верхний позднемезолитический слой сформировался около 7300–7100 ВР (около 6200–6000 cal BC) в условиях регрессивного этапа палеоводоёма, на что указывает площадь распространения мощного культурного слоя и состав отложений. Поселение располагалось непосредственно на берегу протоки, о чем можно судить исходя из небольшого расстояния между сохранившимися участками

слоя и рыболовными объектами (перегородки) в реке, которые, по имеющимся данным, синхронны. Участок берега, возможно, имел форму мыса и непосредственно соседствовал с мелководными зарастающими заливами окружающих озер. По крайней мере с южной стороны берег не выглядит совсем пологим. Кроме стационарных ловушек для рыбной ловли использовались лодки (весла), сети (поплавки), крючки классической (11 экз.) и иволжистой формы (14 экз.) и различные гарпуны (зубчатые острия) (39 экз.), что свидетельствует о большом разнообразии способов рыбной ловли. Видовой состав рыб менее разнообразен (6 видов), преобладают остатки щуки, окуня и карповых; размеры рыб небольшие, возраст до 3 лет. Разнообразие видов птиц осталось почти на прежнем уровне (36 видов), заметно увеличилось количество тетеревиных, связанных с лесами, число поганковых сократилось, но, как и в нижнем слое, здесь преобладают утки (16 видов). Состав деревьев и растений в целом почти не изменился, к концу периода в изобилии появилась только пыльца ольхи, что свидетельствует о формировании поблизости наряду с открытыми участками черноольховых лесов, что указывает на продолжение зарастания и заболачивания краев озера. Однако для изготовления деревянного инвентаря, в том числе мелких колышков для хозяйственных нужд, преимущественно используется сосна, в меньшей степени ива, береза, вяз. Конструкции из лучин выполнены из расщепленной сосны и ивы, кол в реке сделан из вяза (Лозовская, Лозовский, 2014а). В целом приведенные данные хорошо вписываются в схему палеоэкологических реконструкций для всего Волго-Окского междуречья, для которого фиксируется постепенное понижение уровня озерных водоемов с пиком регрессии около 7200–7100 uncal ВР (Жилин, Спиридонова и др., 1998).

Слой чрезвычайно насыщен остатками материальной культуры, многочисленный кремневый инвентарь включает тысячи мелких чешуек — отходов производства орудий, костяная индустрия отражает весь цикл обработки кости — от расколотых заготовок и сотен костяных отщепов, оставшихся от их оббивки, до мельчайших фрагментов законченных орудий, отколовшихся в процессе

работы, что указывает на полный цикл производства орудий и разнообразные производственные или домашние операции, выполнявшиеся непосредственно на стоянке (раскалывание кремня, изготовление орудий, обработка шкур, обработка дерева, разделка мяса и рыбы и т.д.). Большое количество найденных орнаментированных орудий, изделий с фигурными навершиями, зооморфных фигурок (уточек, например), чуринг и других неутилитарных предметах свидетельствует также об определенных духовных практиках, проходивших на поселении. Именно для этого слоя можно говорить с уверенностью о круглогодичном поселении — фаунистический анализ костей молодых лосей, возраст отдельных особей щук, сезон охоты на некоторых птиц, в том числе перелетных, показывает, что жизнь на поселении продолжалась и весной, и летом, и осенью, и зимой. Важным моментом характеристики данного слоя также можно считать явную преемственность материальной культуры по отношению к нижнему слою, несмотря на заметную миниатюрность инвентаря в целом и большее типологическое разнообразие орудий.

Финальномезолитический слой, зафиксированный только в раскопе 1995–2000 гг. и в шурфе 2013 г. и ранее рассматривавшийся как почти стерильная прослойка, характеризуется незначительными типологическими отличиями в инвентаре (например, типами рыболовных крючков). По всей видимости, он отражает завершающий этап существования мезолитического (ВМ) поселения, которое сместилось вглубь берега и на исследованной площади в виде жилой площадки не представлено. Важным для этого периода (около 7050–6850 uncal BP) (около 5950–5750 cal BC) является аномально высокое содержание пыльцы сосны (до 55 %). В других колонках этот пик не имеет соответствий. По мнению палинологов, он явно не связан с климатическими изменениями, так как не имеет аналогов на других региональных диаграммах, и происходит не за счет региональной растительности (ели и широколиственных), а за счет пойменных березы и ольхи. Возможно, это результат каких-то узлокальных местных изменений, и не исключено, что они были связаны с деятельностью людей эпохи финального мезолита. По данным ботаниче-

ского анализа, этот слой почти на 50 % состоит из древесных щепок, причем большая часть — древесина лиственных. Можно предположить, что это отходы использования древесины березы (и ольхи?), которыми в это время уже интенсивно зарастали края озера и которые массово вырубались людьми для хозяйственных нужд.

Наступление раннего неолита для лесной зоны Восточной Европы фиксируется по появлению керамики. Период раннего неолита (верхневолжская культура) на стоянке длился значительно более долгий отрезок времени, чем каждый из слоев мезолита, — около 6850–6200 uncal BP (около 5800–5200 cal BC), а колья в реке (6 экз.), с неясной культурной принадлежностью (переход от раннего к среднему неолиту), датируются еще более поздним интервалом — около 6180–5850 uncal BP (около 5200–4650 cal BC). Поэтому кажется почти очевидным существование на данной территории хронологически различных эпизодов, которые в силу особых условий осадконакопления невозможно разделить стратиграфически. Прежде всего выглядят разновременными остатки комплекса рыболовных вершей с датой около 6550 uncal BP (4 даты в интервале 6650–6450), которая совпадает с максимумом трансгрессии по данным для региона в целом, и жилая площадка в центральной части стоянки; керамика из этого участка (раскоп 1995, слой 4а) датируется по нагару 6975±100 BP (SPb–721), 6720±150 BP (SPb–725) и 6485±150 BP (SPb–728), две даты более древние. Другие обломки глиняной посуды (нагар и тесто) этой культуры из верхней, менее гомогенной части слоя показывают две группы дат в интервале около 6830–6650 uncal BP (7 дат) и около 6500–6300 uncal BP (6 дат) (Лозовский и др., 2014).

Исходя из анализа стратиграфической ситуации культурных слоев финального мезолита и раннего неолита можно с высокой степенью уверенности говорить о том, что появление ранненеолитической керамики на поселении произошло не ранее условной даты 6850±50 uncal BP (Лозовский и др., 2014). Тем не менее характер разрушений и размыва слоя ВМ в раскопе с вершами маркирует резкий подъем уровня воды в начале неолита. Береговая линия палеоозера заходила глубже в сушу, чем это на-

блюдалось для других этапов существования поселений, если судить по положению рыболовных вершей-ловушек. Отсутствие на данный момент кольев этого периода в русле современной Дубны, возможно, объясняется большой глубиной водоема в этом месте. Продолжительность периода высокого уровня воды по археологическим данным установить пока невозможно. Однако в хозяйстве ранне-неолитического населения и в окружающем ландшафте никаких резких изменений внутри этой эпохи не наблюдается. Как и в период позднего мезолита, оно было сконцентрировано вокруг рыбной ловли и охоты. Найдено большое число стандартных крючков (17 экз.) и разнообразные типы гарпунов (36 экз.), которые особенно эффективно могли использовать в период нереста. Открыто асимметричное весло (внутри верши) и остатки рыболовных сетей (50 узелков из растительных волокон). В это время видовой состав пойманной рыбы уменьшается (до 6), но объем добычи остается прежним. Преобладают мелкие особи щуки, окуня, ерша и карповых, некоторые отдельные особи этих пород лежали анатомическими группами непосредственно под вершами (определение Э. Ляшкевич, 2011).

В охоте на птиц произошли наиболее показательные изменения — количество лесных видов (тетеревиных) сравнялось с количеством уток, что указывает на целенаправленную охоту в лесу, а не на сопутствующую рыбной ловле (Маннермаа, 2013), общее число видов сокращается до 22 (возможно, это связано с меньшим количеством костей по сравнению со слоями мезолита). В ландшафте продолжается процесс зарастания водоемов, и к концу этого периода появляются очевидные признаки периодического пересыхания (более высокая степень разложения, поврежденная пыльца, изменение состава диатомовых водорослей) и перехода от озерной стадии к болотной и далее — к лесо-болотной. Для производства вершей использовались крупные стволы сосны, среди мелкого деревянного инвентаря встречаются изделия из сосны, липы и вяза, кол рядом с вершами сделан из ольхи. В зоне доступа росла калина, которая активно использовалась в пищу (нагар с косточками) (Лозовская, Лозовский, 2014а). Лось и бобр

остаются главными объектами охоты, но в раннем неолите к ним добавляется еще кабан.

В материальной культуре кроме появления керамики, в технологии изготовления которой фиксируются разные принесенные извне традиции, изменения происходят незначительные. В основном сохраняются мезолитические традиции. В первую очередь это касается технологии расщепления кремня, направленной на производство рубящих орудий и шлифованных топоров, основной заготовкой, как и прежде, является отщеп, сохраняются многие типы кремневых орудий. К новым технологиям можно отнести процесс производства тонких бифасов и струйчатую субпараллельную ретушь, однако эти элементы крайне немногочисленны в коллекции. Среди костяного/рогового инвентаря появляются новые типы стрел и зубчатых острий, как и крючки, демонстрирующие некоторую стандартизацию в производстве. Между тем исчезают мелкие орнаментированные заковки с фигурными зооморфными навершиями, иволистные крючки. Основные типы орудий и процесс их производства остаются прежними.

Слой среднего неолита (ляловская культура) в культурных напластованиях стоянки Замостье 2 (около 5900–5500 uncal BP / около 4900–4300 cal BC) не имеет выраженного жилого горизонта и в значительной мере поврежден. Поскольку он находится на границе насыщенных водой отложений, сохранность органических материалов в нем значительно хуже, чем в нижележащих. Начало среднего неолита приходится на период регрессии озерного водоема. Было ли осушение берегов озера, приведшее к формированию густых черноольховых лесов, следствием общей аридизации климата или местных гидрологических изменений, сказать трудно. В этом слое также появляется пыльца ели в количествах, свидетельствующих о ее не только региональном, но и локальном, хотя и пока немногочисленном присутствии. Единственное сохранившееся деревянное изделие из слоя ляловской культуры изготовлено из черемухи. Большинство сооружений из кольев в русле Дубны относится к периоду 5550–5650 uncal BP — постройки наиболее основательные и достаточно долговременные (в частности, отмечены случаи

укрепления одних кольев-столбов другими), однако для их интерпретации пока нет достаточных оснований. Данные о рыболовном инвентаре обрывочны, найдены три массивных гарпуна с выступом для привязывания лески, нехарактерные для нижележащих слоев. Среди остатков рыб представлены щука, окунь и карповые (7 видов). Основным материалом для культурной интерпре-

тации находок является керамика (более 65 000 фрагментов). Кремневый инвентарь отличается по сырью, отмечается существование тонких бифасов и техники двусторонней оббивки, в том числе в 2013 г. найден фигурный кремль — заготовка полулунницы. Для костяного вооружения наиболее характерным являются фигурные наконечники стрел с тремя утолщениями.

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ НА ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА И СТРУКТУРУ ПОСЕЛЕНИЯ

Таким образом, на протяжении более двух тысяч лет с позднего мезолита до среднего неолита поселения древних людей были приурочены к самому берегу крупного мелководного озера, с показателями высокой продуктивности, окруженного прибрежной водно-болотной растительностью. Этот ландшафт представлял собой исключительно благоприятные условия, как для рыбной ловли, так и для сопутствующей ей охоты на птицу. Заросли заболоченных ивняков и березняков по краям палеозера и различных проток являлись также местом обитания лося и бобра — основных промысловых животных на протяжении позднего мезолита и неолита. Зимняя охота могла происходить и в расположенных поблизости широколиственных водораздельных лесах и сосняках, отсюда же брались древесное сырье для производства деревянного инвентаря и рыболовных конструкций (сосна, вяз, ясень, черемуха, граб и др.).

Хозяйственное освоение водных пространств, выраженное в сооружении деревянных конструкций, и прилегающих территорий связывается в одних случаях с регрессивными фазами (верхний мезолитический слой и начало среднего неолита), в других случаях с мелководными участками трансгрессивного этапа (ранний неолит). Формы хозяйственной

деятельности зависели, вероятно, от глубины водоема. Так, разница по уровню залегания вершей эпохи раннего неолита и «загородок» верхнего мезолитического слоя составляет не менее 130 см.

Смена археологических культур и эпох на данной территории пришлась на начала трансгрессивных этапов развития палеоводоемов. Наиболее существенным изменением в материальной культуре местного населения, бесспорно, является появление керамического производства. Однако ни оно, ни другие изменения в традициях изготовления и использования орудий труда и деревянных конструкций никак не изменили основной хозяйственного уклад обитателей озерных поселений. По всей видимости, как местное мезолитическое население, так и приходившие сюда новые группы людей (с керамикой, новыми технологиями), которые быстро принимали данную экономическую модель, воспринимали ее как оптимальную для данных условий. Сохранение многих типологических традиций в каменном и костяном инвентаре может объясняться как адаптацией к одним и тем же хозяйственным задачам, так и тем, что аборигенное мезолитическое население оставалось на данной территории основным компонентом на протяжении по крайней мере раннего неолита.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алешинская А.С., Лаврушин Ю.А., Спиридонова Е.А. Геолого-палеоэкологические события голоцена и среда обитания древнего человека в районе археологического памятника Замостье 2 // Каменный век европейских равнин: объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры:

Мат-лы междунар. конф. 1–5 июля 1997 г. Сергиев Посад, 2001. С. 248–254.

Ершова Е.Г. Результаты ботанического и спорово-пыльцевого анализа по разрезам стоянки Замостье 2, 2013 г. // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней

Волги / Под ред. В. Лозовского, О. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 182–193.

Жилин М.Г., Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. История развития природной среды и заселения стоянок Озерки 5, 16, 17 в Конаковском р-не Тверской области // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 209–218.

Лозовская О.В., Лозовский В.М., Мазуркевич А.Н. Палеоландшафт рубежа мезолита-неолита на стоянке Замостье 2 (бассейн Верхней Волги) // VIII всероссийское совещание по изучению четвертичного периода «Фундаментальные проблемы квартера, итоги изучения и основные направления дальнейших исследований». Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2013. С. 379–381.

Лозовская О.В., Лозовский В.М. Использование дресины в позднем мезолите — раннем и среднем неолите на озерном поселении Замостье 2 // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014а. С. 64–69.

Лозовский В.М., Лозовская О.В. Стратиграфия отложений и культурных слоев стоянки Замостье 2 // Природная среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН, 2014б. С. 46–53.

Лозовский В.М., Лозовская О.В., Зайцева Г.И., Поснерт Г., Кулькова М.А. Комплекс верхневолжской керамики ранне-неолитического слоя стоянки Замостье 2: типологический состав и хронологические рамки // Самарский научный вестник. 2014. № 3 (8). С. 122–136.

Маннермаа К. Охота на птиц среди озер и болот на стоянке Замостье 2, Россия, около 7900–6500 л. н. // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи

мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Под ред. В. Лозовского, О. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 214–229.

Раду В., Десс-Берсе Н. Рыбы и рыболовство на стоянке Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита-неолита в бассейне Верхней Волги / Под ред. В. Лозовского, О. Лозовской и И. Клементе Конте. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 194–213.

Флеров А.Ф. Флора Владимирской губернии. М., 1902. 257 с. Ч. 1, 2.

Lozovski V.M. Zamostje 2. Les derniers chasseurs-pêcheurs préhistoriques de la Plaine Russe. Guides archéologiques du «Malgré-Tout». Treignes: Editions de CEDARC, 1996. 96 p.

Lozovski V., Lozovskaya O., Mazurkevich A., Hookk D., Kolosova M. Late Mesolithic–Early Neolithic human adaptation to environmental changes at an ancient lake shore: The multi-layer Zamostje 2 site, Dubna River floodplain, Central Russia // Quaternary International. 2014. Vol. 324. Human dimensions of palaeoenvironmental change: Geomorphic processes and geoarchaeology / Ed. by M. Bronnikova and A. Panin. P. 146–161.

Nosova M., Severova E., Volkova O. Spuce (*Picea*) pollen in Tauber traps, surface and fossil samples in central European Russia // Pollen Monitoring Programme. Prague, 2013. P. 33–35.

Radu V., Desse-Berset N. The fish from Zamostje and their importance for the last hunter-gatherers of the Russian plain (Mesolithic-Neolithic) // Proceedings of the General Session of the 11th International Council for Archaeozoology Conference (Paris, 23–28 August 2010) / Ed. by Christine Lefèvre. P., 2012. P. 147–161 (BAR International Series. No. 2354).